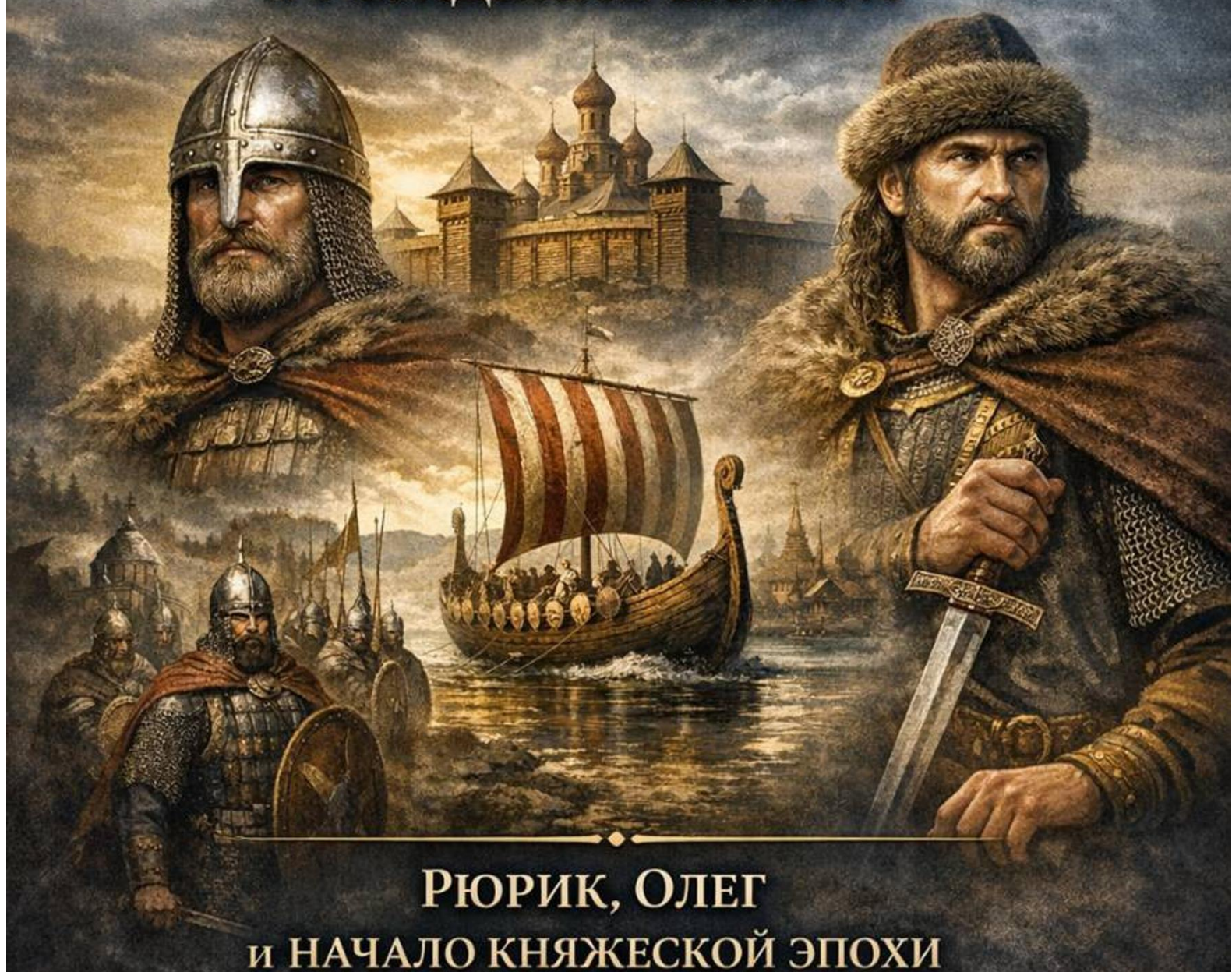


В. А. ПАВЛОВ

ИСТОРИЯ РУСИ

ПЕРВЫЕ КНЯЗЬЯ
и РОЖДЕНИЕ ВЛАСТИ



РЮРИК, ОЛЕГ
и НАЧАЛО КНЯЖЕСКОЙ ЭПОХИ

В.А. Павлов

**История Руси: первые князья
и рождение власти Рюрик,
Олег и начало княжеской эпохи**

«Автор»

2026

Павлов В.

История Руси: первые князья и рождение власти Рюрик, Олег и начало княжеской эпохи / В. Павлов — «Автор», 2026

Как на огромном пространстве между Балтикой, Волгой, Днепром и Чёрным морем возникла власть, которую начали передавать по наследству? Почему летописный Рюрик остаётся загадкой, Олег сделал Киев центром нового политического объединения, Игорь погиб во время сбора дани, а Ольга превратила месть в реформу? Что на самом деле изменили походы Святослава, крещение Владимира и законы эпохи Ярослава? Эта книга рассказывает о первых столетиях Руси без школьной гладкости и без выдуманной уверенности. Летопись здесь сопоставляется с археологией, договорами с Византией и свидетельствами современников. Там, где факт установлен, он назван фактом. Там, где источники спорят или молчат, читатель увидит границу между знанием и предположением. Перед нами не парад непогрешимых князей, а история тяжёлого рождения государства: торговли и войны, договоров и предательств, веры и расчёта, личной храбрости и ошибок, за которые платили целые земли.

© Павлов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Пролог. Дорога, которая создавала князей	6
Часть I. До династии	8
Глава 1. Земля рек и многих народов	9
Глава 2. Что мы знаем и почему сомневаемся	11
Часть II. Рюрик и Олег	13
Глава 3. Рюрик: человек за династической легендой	14
Что можно считать надёжным	15
Что остаётся спорным	15
Глава 4. Олег и путь к Киеву	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

В.А. Павлов

История Руси: первые князья и рождение власти Рюрик, Олег и начало княжеской эпохи

От автора

Книга написана в жанре популярной документально-исторической прозы. Она опирается на летописи, русско-византийские договоры, сочинения византийских авторов, данные археологии и современные исследования. Речь и внутренние мысли исторических лиц не выдумываются. Краткие описания обстановки используются только там, где их можно восстановить по источникам и общим сведениям об эпохе.

Древнейшая история Руси известна неравномерно. Главный рассказ о событиях IX–X веков дошёл в составе «Повести временных лет», созданной в начале XII столетия, то есть через много поколений после Рюрика и Олега. Поэтому формулы «летопись сообщает», «вероятно», «исследователи предполагают» в этой книге имеют принципиальное значение. Они не ослабляют рассказ, а делают его честнее.

Термин «Киевская Русь» удобен и привычен, но возник значительно позднее описываемой эпохи. Люди того времени говорили о Руси и Русской земле. Именно эти названия преимущественно используются далее.

Пролог. Дорога, которая создавала князей

Перед тем как появились княжеские столицы, существовала дорога.

Она не была проложена в земле и не имела единого хозяина. Её составляли холодные воды Балтики, реки и озёра северо-запада, волоки между речными системами, течение Днепра, опасные пороги и Чёрное море. По этой дороге двигались меха, воск, мёд, оружие, серебро, украшения и люди. Купеческая ладья могла принести богатство, а могла не вернуться: её подстерегали мелководье, буря, разбой, враждебная застава и кочевники у порогов.

Большая торговля редко живёт без насилия. Товар нужно собрать, путь — защитить, дань — получить, обещание — подкрепить силой. Но и одной силы недостаточно. Отряд способен взять склад или сжечь поселение; он не способен годами поддерживать движение на тысячах километров. Для этого требуются договорённости, посредники, места обмена, известные размеры платежей и люди, чьё слово признают за пределами их собственной дружины.

На рубеже VIII–IX веков север и восток Европы уже были вплетены в дальние связи. В Старой Ладогe жили и торговали люди разного происхождения. В лесной полосе соседствовали славянские и финно-угорские сообщества. На юге важнейшим центром был Киев, а степные пути контролировали сильные кочевые объединения. Восточная Европа не ждала «основания» извне: здесь давно существовали поселения, местные вожди, обычаи, обмен и войны. Новое заключалось в другом — разрозненные узлы постепенно связывались в сеть, способную содержать постоянную вооружённую власть.

Поначалу слово «русь», вероятно, обозначало не всё население огромной территории. В источниках оно могло относиться к военной и торговой группе, связанной со скандинавским миром, а позднее стало названием правящей среды, земли и политического сообщества. Как именно происходило это превращение, историки обсуждают до сих пор. Для нашего рассказа важен результат: имя, принадлежавшее сравнительно узкому кругу, со временем стало именем страны.

Государство не возникло в один год. Летописная дата удобна для памяти, но жизнь не подчиняется юбилеям. Сначала укреплялись пункты на реках. Затем победитель получал дань. Потом сбор становился регулярным, дружина — постоянной, княжеский род — узнаваемым. Соседи начинали заключать договор не с отдельным отрядом, а с властью, которая обещала вернуться следующей весной и наказать за нарушение условий.

Так рождалось главное качество власти — продолжительность.

Первые князья не управляли страной в современном смысле. У них не было министерств, чиновничьей вертикали и нанесённой на карту границы. Их возможности зависели от дружины, союза с местной знатью, контроля над городами и путями, способности собирать ресурсы. Там, где княжеские люди появлялись редко, старые порядки продолжали жить почти самостоятельно. Там, где стояла дружина и проходила торговля, перемены происходили быстрее.

Поэтому история ранней Руси — не биография семи правителей, сменяющих друг друга на киевском престоле. Это история того, как личная власть постепенно обрала институтами. Рюрик связывается с происхождением династии. Олег — с соединением северного и южного центров. Игорь — с уязвимостью полюдьа. Ольга — с упорядочением платежей. Святослав — с пределами военной экспансии. Владимир — с территориальной организацией и выбором религии. Ярослав — с правом, церковью, книгой и династической дипломатией.

Каждый из них не начинал с пустого места и не завершал работу окончательно. Они получали несовершенный механизм, усиливали одни его части, ломали другие и передавали дальше.

В летописи их судьбы выглядят почти как притчи. Один приглашён из-за моря. Другой прибывает щит к воротам Царьграда. Третий погибает, потребовав дань повторно. Княгиня отвечает убийцам четырьмя местями. Воин предупреждает врага о нападении. Языческий князь испытывает веры и крестит народ. Мудрый правитель собирает законы и книги.

Но за яркими образами скрывается более трудная история. Летописцу нужны были смысл, порядок и нравственный вывод. Исторiku приходится задавать другие вопросы: когда записан рассказ, что подтверждают независимые источники, где автор соединил память и легенду, кому была выгодна такая версия прошлого?

В этой книге легенда не будет выброшена. Без неё мы потеряли бы то, как потомки понимали начало Руси. Но легенда не станет подменять доказательство.

Наш путь начинается не с готового ответа, а с тумана над рекой. В нём уже видны ладьи, укреплённые поселения и люди с оружием. Им ещё предстоит решить, кто вправе собирать дань, судить, заключать мир и передавать власть после смерти.

Именно из этих решений родится княжеская эпоха.

Часть I. До династии



Глава 1. Земля рек и многих народов

На современной карте Восточная Европа кажется разделённой естественными границами государств. Для человека IX века такой карты не существовало. Пространство определяли реки, леса, болотистые участки, степь и расстояние между местами, где можно было найти пищу, укрытие и людей, готовых торговать.

Река одновременно соединяла и разделяла. Летом по ней шли суда, зимой замёрзшее русло становилось дорогой. Весенний разлив менял берега и заставлял ждать. Там, где две водные системы подходили близко, грузы и лёгкие ладьи перетаскивали по суше. Волок был не пустым промежутком, а стратегической точкой: тот, кто его контролировал, мог взимать плату, защищать путников или грабить их.

Северные районы населяли ильменские словене, кривичи, чудь, весь, меря и другие сообщества. Эти названия из летописей нельзя понимать как современные нации с твёрдыми границами. Они обозначали группы, связанные происхождением, языком, территорией и политическими союзами, но сами границы оставались подвижными. Люди вступали в браки, переселялись, перенимали вещи и обычаи соседей.

Археология показывает мир смешанных контактов. В одном торговом центре могли оказаться скандинавская застёжка, восточная серебряная монета, местная керамика и оружие, изготовленное по технологии, которая путешествовала вместе с мастерами. Вещь не сообщает этническую принадлежность владельца автоматически. Скандинавский предмет мог принадлежать славянину, а местное украшение — женщине из семьи пришедшего воина. Но совокупность находок доказывает интенсивность связей.

Старая Ладога возникла задолго до летописного призвания Рюрика и стала одним из ранних узлов такого обмена. Через Волхов можно было попасть к Ильменю, далее — искать выходы к верховьям Днепра и Волги. На пути появлялись укреплённые пункты, ремесленные поселения и места сезонной торговли. Некоторые росли, другие исчезали, когда менялось русло торговли или военное равновесие.

На юге положение было иным. Среднее Поднепровье находилось ближе к степи и Чёрному морю. Киев занимал выгодное место на высоком берегу Днепра. Его ранняя история тоже не сводится к одному акту основания. Поселения развивались постепенно, а значение города росло вместе с торговым путём и борьбой за контроль над ним.

Над регионом ощущалось влияние Хазарского каганата. Часть восточнославянских групп платила хазарам дань. Хазарская власть не обязательно означала постоянное присутствие чиновника в каждой деревне; достаточно было признания верховенства, платежей и военной угрозы. Для будущих киевских князей борьба за данников станет не только местной войной, но и соперничеством с уже существующим центром силы.

На западе и юго-западе действовали другие славянские объединения. В степи менялись кочевые народы. На Балтике росла активность скандинавов. На востоке серебро исламского мира через Волжскую Булгарию и Хазарию доходило до лесных земель. На юге притягивал Константинополь — крупнейший город и богатейший рынок региона.

Из этого мира нельзя вывести простую формулу «племена не умели управлять собой и позвали государство». Местное самоуправление, старейшины, собрания, военные вожди и обычное право существовали до княжеской династии. Проблема возникала на другом уровне: кто обеспечит связи между далёкими центрами, кому достанется прибыль от пути и кто сможет превратить разовый сбор в регулярный доход?

Дружина давала один из ответов. Это была группа профессиональных воинов, связанных с вождём добычей, дарами, честью и личной верностью. Её состав мог быть смешанным. В ранней Руси скандинавский компонент заметен, но рядом с варягами действовали славяне и пред-

ставители финно-угорских народов. Успешная дружина была открыта для способных людей: происхождение имело значение, однако военная польза и верность могли значить не меньше.

Содержание дружины требовало ресурсов. Князь раздавал добычу, обеспечивал оружие, устраивал пиры, вознаграждал приближённых. Богатство не лежало в казначействе без движения: оно поддерживало сеть обязательств. Скупой или неудачливый вождь терял людей; щедрый победитель привлекал новых.

Отсюда выросла связь между торговлей, данью и войной. Князь защищал путь, но сам же мог принуждать население платить. Он судил спор, но его решение опиралось на присутствие вооружённых людей. Он заключал договор с чужой державой, но его право говорить от имени многих земель ещё требовалось доказать.

В IX веке все элементы будущего политического порядка уже существовали отдельно: города и торговые пункты, местные союзы, дружины, дальние рынки, дань и дипломатия. Не хватало устойчивого соединения.

Летопись предложит запоминающийся ответ на вопрос о том, как оно появилось: раздираемые распрями народы призвали князя из-за моря. Современный читатель должен услышать этот рассказ — и одновременно помнить, что он был записан через два с половиной столетия после указанного события.

Глава 2. Что мы знаем и почему сомневаемся

История Рюрика начинается с источниковедения. Без него красивый рассказ очень быстро превращается в уверенную выдумку.

«Повесть временных лет» дошла не в авторском оригинале, а в более поздних списках. Её ранняя редакция складывалась в начале XII века. Летописец использовал прежние своды, устные предания, договоры, византийские хроники, церковные тексты и собственное представление о том, каким должен быть смысл русской истории. Он не был современным репортёром и не пытался отделить политическую теорию от повествования.

Событие 862 года находилось от него примерно так же далеко, как от нас начало XVIII века, но без архивов нового времени, печатной прессы и массовой грамотности. Династия уже правила, христианство было принято, Киев и Новгород имели свои политические традиции. Рассказ о происхождении власти неизбежно отвечал на вопросы XII века: почему именно этот род имеет право княжить, как связаны север и юг, какое место занимают варяги и откуда появилось имя Руси?

Поэтому летописная формула о призвании одновременно может сохранять память о реальном договоре и служить объяснением законности династии. Эти варианты не исключают друг друга.

Независимых письменных сведений о самом Рюрике почти нет. Западноевропейские источники знают скандинавского правителя Рёрика Ютландского, и некоторые исследователи пытались отождествить его с русским Рюриком. Совпадение имени и времени делает гипотезу заманчивой, но доказанного перехода одного человека из западных владений к Ладоге источники не показывают. В книге это отождествление нельзя выдавать за установленный факт.

Археология подтверждает активное присутствие скандинавов и смешанный характер торгово-военной среды на северо-западе. Она показывает важность Ладоги и Рюрикова городища близ позднейшего Новгорода. Но археолог не извлечёт из культурного слоя табличку с именем князя. Материальные данные позволяют восстановить среду, хронологию укреплений и контакты, но редко подтверждают биографию конкретного человека.

Даже слово «Новгород» в рассказе о 862 годе требует осторожности. Исследователи по-разному связывают раннее название с поселениями и крепостями в районе Волхова. Городской центр, известный по более поздней истории Великого Новгорода, формировался постепенно. Поэтому выражение «Рюрик сел в Новгороде» передаёт летописную традицию, но не должно создавать картину готового средневекового города XI–XII веков.

С именами Синеуса и Трувора связана популярная версия, будто они возникли из неправильного понимания скандинавских слов, означавших «свой род» и «верная дружина». Эта остроумная догадка часто повторяется, однако современная лингвистика не считает её доказанной. Сами имена имеют возможные скандинавские соответствия. Другое дело, что независимых подтверждений биографиям братьев нет.

Схожая осторожность понадобится и далее. Поход Олега на Константинополь в 907 году описан эффектно, но не отражён в византийских источниках так, как можно было бы ожидать. Текст договора 911 года выглядит гораздо надёжнее и содержит конкретные юридические нормы. Месть Ольги построена летописцем как четыре последовательных эпизода и обладает явной литературной композицией, тогда как её административные действия подтверждаются самой логикой дальнейшего управления. Крещение Владимира несомненно, но последовательность крещения, взятия Корсуни и брака с Анной остаётся предметом споров.

Таковы правила честного чтения ранней Руси:

летописная дата не всегда равна точной календарной дате;

яркая подробность может быть древним преданием, а не протоколом события;

молчание другого источника вызывает вопрос, но само по себе не опровергает событие; археология проверяет среду и процессы, но редко называет действующее лицо; позднейший политический смысл мог изменить форму более ранней памяти.

Эти ограничения не делают эпоху беднее. Напротив, расследование источников добавляет напряжение. Читатель видит не бронзовый памятник, а прошлое, которое приходится собирать из несовпадающих фрагментов.

Часть II. Рюрик и Олег



Глава 3. Рюрик: человек за династической легендой

Летописный рассказ начинается с конфликта. Варягов сначала изгнали и отказались платить им дань. Затем между местными группами начались распри. После этого представители словен, кривичей, чуди и веси решили искать князя, который мог бы «владеть и судить» по установленному порядку. Через море пришли Рюрик, Синеус и Трувор со своими родами и дружинами.

В этой последовательности заметна политическая мысль. Чужой князь оказывается не завоевателем, а приглашённым арбитром. Его власть основана не только на мече, но и на соглашении. Для династии такой сюжет был выгоден: он объяснял, почему правящий род имеет особое право и почему местные сообщества должны признавать его суд.

Но выгодность не означает полной выдуманности. В раннесредневековой Европе договор с военным предводителем был обычным способом решить проблему защиты и внутренних конфликтов. Пришлая дружина могла быть удобна именно потому, что не принадлежала к одному местному роду. Её приглашали на условиях, а затем отношения менялись: наёмный защитник становился князем, временное содержание — данью, военное присутствие — наследственной властью.

Вероятнее всего, если за рассказом стоит реальное событие, оно было сложнее одного торжественного собрания. Переговоры могли идти с несколькими группами. Не все жители соглашались с решением. Дружина могла одновременно получить приглашение от одних и навязать себя другим. Память сократила долгий конфликт до ясной сцены.

О личном характере Рюрика мы ничего надёжного не знаем. Нельзя уверенно описать его внешность, возраст или привычки. Неизвестно, называл ли он себя князем в том смысле, который слово приобретёт позднее. Источники позволяют говорить прежде всего о функции: предводитель вооружённой группы закрепился в ключевом районе и стал восприниматься как начало правящего рода.

Рюрику приписывают распределение городов между своими людьми. Это важная деталь, даже если конкретный список сформирован поздней традицией. Ранняя власть не могла существовать из одной резиденции. Ей требовались доверенные представители в местах сбора дани и на пути движения товаров. Князь создавал не территориальную администрацию современного типа, а сеть личной верности.

Такая сеть имела слабое место. Наместник, достаточно усилившись, мог стать самостоятельным. Дружинник служил, пока считал связь выгодной и почётной. Местная знать признавала князя, пока видела пользу или боялась наказания. Каждый сезон проверял договор заново.

Летопись сообщает о смерти Рюрика в 879 году и о передаче малолетнего Игоря Олегу, названному родичем князя. Здесь возникают сразу несколько вопросов. Был ли Игорь действительно сыном Рюрика? Каково было точное родство Олега? Управлял ли он как опекун или как самостоятельный правитель? Однозначного ответа нет.

В поздней династической схеме всё выглядит последовательно: основатель оставляет наследника, верный родственник хранит власть до его взросления. В реальной политике Олег мог обладать собственным правом и собственной силой, а связь с Рюриком позднее помогла объединить две линии в одну родословную.

Главное достижение, связываемое с Рюриком, — не создание государства в 862 году. Такого мгновенного акта не было. Важнее закрепление династического принципа. После него власть на севере уже можно было представить как принадлежащую определённому роду, а не случайному победителю.

Это ещё не означало строгого наследования от отца к старшему сыну. На протяжении столетий княжеские столы будут переходить между братьями, племянниками и сыновьями, а

старшинство станет спорить с прямым наследством. Но круг возможных претендентов сузился. Для чужого человека одного военного успеха стало недостаточно: ему требовалась связь с династией или способность создать новую законность.

Так Рюрик оказался важнее собственной биографии. Мы почти не видим человека, зато хорошо видим работу памяти. Она поставила его у истока, потому что династии нужен был первый предок.

Что можно считать надёжным

В IX веке северо-запад Восточной Европы был зоной активных славяно-финно-скандинавских контактов.

Скандинавские военные и торговые группы участвовали в формировании ранней Руси.

К концу IX века существовала правящая среда, которую позднейшая традиция связывала с родом Рюрика.

Что остаётся спорным

Точная историчность всех деталей призвания 862 года.

Биографии Синеуса и Трувора.

Тождество Рюрика и Рёрика Ютландского.

Характер отношений Рюрика, Олега и Игоря.

Глава 4. Олег и путь к Киеву

После смерти Рюрика, если следовать летописи, власть перешла к Олегу. Его происхождение скрыто туманом ещё сильнее, чем происхождение основателя династии. Летописец называет его родичем Рюрика; позднейшие читатели привыкли видеть в нём регента при ребёнке Игоре. Однако действия Олега похожи на действия самостоятельного вождя, располагавшего собственной дружиной и политическим замыслом.

В 882 году он двинулся с севера на юг. Этот поход часто изображают как уверенный марш будущей государственной армии. В действительности продвижение по речному пути требовало переговоров, снабжения и контроля над промежуточными пунктами. Летопись называет Смоленск и Любеч. Овладение ими связывало верхние участки пути с Днестром и уменьшало риск, что северная дружина окажется отрезанной от тыла.

В составе войска перечислены варяги, словене, кривичи и представители финно-угорских групп. Даже если перечень отражает представление более позднего времени, он точно передаёт смешанный характер силы. Русь создавалась не действием одного «чистого» народа, а союзом и подчинением разных сообществ.

В Киеве правили Аскольд и Дир. Их происхождение и отношения друг с другом неясны. Византийские источники сообщают о нападении руси на Константинополь в 860 году, то есть до летописного прихода Олега в Киев. Это важное свидетельство: южный центр руси существовал и действовал независимо от рюриковской традиции. Олег не основал власть в Киеве с нуля — он захватил уже значимый центр.

Летописная сцена убийства построена как династический приговор. Олег скрывает воинов, выдаёт себя за торговца, вызывает Аскольда и Дира, показывает малолетнего Игора и объявляет, что киевские правители не княжеского рода. Затем их убивают.

Подробности могли быть литературно обработаны, но политический смысл прозрачен. Победа объяснялась не только превосходством силы. Олег предъявлял право рода. В этой сцене княжеское происхождение уже становится аргументом, который должен отличать законного властителя от удачливого военного предводителя.

Захват Киева соединил два мира. Север давал выход к Балтике и волжским путям. Юг открывал дорогу к Чёрному морю и Византии. Киев находился ближе к плодородным районам и степной границе, откуда исходила опасность, но там же проходили важные торговые связи. Контроль над городом позволял направлять потоки дани и товаров к югу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.